

На правах рукописи

Сердечная Вера Владимировна

**РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА УИЛЬЯМА БЛЕЙКА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ XIX – XXI ВЕКОВ**

Специальности 10.01.01 – Русская литература
и 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Европы)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант
доктор филологических наук, профессор
Дмитрий Николаевич Жаткин

Орел, 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Пензенский государственный технологический университет»

Научный консультант: **Жаткин Дмитрий Николаевич**, доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Житенёв Александр Анатольевич**, доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук, г. Воронеж

Радь Эльза Анисовна, доктор филологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета профессор кафедры русского языка и литературы, г. Стерлитамак

Джумайло Ольга Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», заведующая кафедрой теории и истории мировой литературы, г. Ростов-на-Дону

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»

Защита состоится «13» октября 2021 года в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.183.02 при федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по адресу: 302001, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 41, корп. 3, аудитория 11.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева» по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95 и на официальном сайте организации: www.oreluniver.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 212.183.02
кандидат филологических наук, доцент

А.А. Бельская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Английский художник и поэт Уильям Блейк (1757–1827) жил на смене эпох, застал Французскую революцию и сочувствовал ей, и на протяжении всей жизни занимался созданием собственного уникального художественного мира. Начав с лирики, он пришел в итоге жизни к огромным эпическим полотнам, в которых реалии истории и географии причудливо сочетались с духовными учениями и воплощались в фигурах авторской мифологии.

Вследствие низкого происхождения и непрестижной профессии гравера Блейк не смог войти в круги литературно-художественного бомонда Лондона, и его творчество осталось, по большому счету, незамеченным. Колридж прочел одну из его книг и оставил любопытные замечания, однако Блейк оказался поэтом-одиночкой, который сам печатал свои иллюстрированные книги, изобретя способ иллюминированной печати, и слыл сумасбродом.

Возрождение памяти о Блейке произошло в 1860-х годах, когда А. Гилкрист написал его биографию, а Д. Г. Россетти и У. М. Россетти подготовили к печати сборник его произведений, далеко не полный. Начиная с рубежа XIX и XX веков Блейка читали все больше; его стихи и картины были открыты вновь как свидетельство глубокого и поэтического осмысления реальности своего времени. Вначале читатели обнаружили прелесть лирики Блейка, а затем были опубликованы и его поэмы. Он был воспринят как мистик, как лирик, как философ; в его творчестве обнаружили глубокие связи с неоплатонизмом и гностицизмом.

Открытие Блейка прерафаэлитами и символистская критика способствовали тому, что он был воспринят как «предтеча символистов», далеко опередивший свое время, однако впоследствии его имя и творчество были возвращены в контекст английского романтизма.

Вместе с тем рецепция творчества Блейка показывает, что он действительно предвосхитил многие открытия и течения европейской мысли; так, его трактовка сексуальных отношений, во всем богатстве историко-культурных интерпретаций, во многом предшествовала открытиям психоанализа. Каждая новая эпоха критики находила в поэзии и живописи Блейка совершенный объект для анализа: Роман Якобсон с позиций формального метода доказывал абсолютную симметричность его стихотворения; мифокритика обнаруживала глубины мифологических взаимоотношений и закономерностей не только в его поэмах, но и в

лирике; деконструктивизм увидел в незамкнутых структурах Блейка стремление к расшатыванию готовых схем. Каждая новая эпоха открывает в Блейке черты принципиально близкие, занимаясь прибавлением смыслов: этот процесс идет от символизма и психоанализа до наших дней.

Творчество Блейка прирастало интерпретациями, и облик самого этого творчества оказался обликом позднейшей рецепции. Своя история рецепции Блейка есть и в Британии, и в Германии, и в Японии, и также в России. Значительная русская рецепция Блейка исследована лишь отрывочно; многие факты, важные не только для истории рецепции, но и для истории русской литературы, остались незамеченными исследователями.

Тема нашей работы охватывает русскую переводческую, критическую и литературную рецепцию Блейка как поэта на протяжении периода с 1834 года по 2020-е годы.

Актуальность исследования определяется как историческими, так и собственно литературными причинами. Возрастающий интерес к явлениям межкультурного диалога, углубление исследований по сравнительному литературоведению приводят к необходимости переосмысления места английского романтизма, и, в частности, творчества поэта-романтика Уильяма Блейка, в истории мировой и русской культуры. Сегодня, когда обрело устойчивый характер понятие всемирной литературы, поэзия Блейка нуждается в определении своего места в мировом и, в частности, в российском литературном процессе.

Если аспекты интернациональной рецепции ряда английских авторов (таких, как Уильям Шекспир, Кристофер Марло, Джордж Байрон, Вальтер Скотт, Альфред Теннисон и другие) нашли отражение в исследованиях, то творческий диалог русской культуры с наследием Блейка пока еще не становился предметом монографического научного изучения. Однако в исследовании наследия Блейка такой аспект значим в силу того, что этот поэт и художник, существенно опередивший свое время и открытый лишь спустя десятилетия после смерти, собственно и возник как культурный феномен только в позднейшей рецепции его творчества. Особенности его эстетики, мировоззрения, авторской мифологии воссоздаются в творчестве, критике, откликах его творческих наследников, среди которых были и русские.

При том что существует ряд исследований, где творчество Блейка-поэта типологически сопоставляется с творчеством русских поэтов, авторов философской лирики (Ф. И. Тютчева, А. А. Фета и пр.), важной задачей представляется сбор, систематизация и осмысление реальных

фактов рецепции, творческого наследования; создание такой обобщающей картины дополнит наше представление не только о Блейке, но и о «всемирной отзывчивости» русской культуры.

В свете сказанного возникла объективная необходимость собрать и систематизировать факты, позволяющие воссоздать историю творческого диалога между наследием Блейка и его дальнейшей рецепцией: в частности, рецепцией в русской (советской) литературе и культуре, – начиная с 1834 года, когда в русской периодике появилась первая биографическая статья о нем, и до настоящего времени.

Рецепция Блейка в русской культуре, таким образом, насчитывает почти два столетия; она является немаловажной частью того портрета Блейка, поэта и художника, который складывается в сумме его мировой рецепции.

Степень научной разработанности темы исследования. Говоря об истории вопроса, необходимо учитывать весь комплекс взаимосвязанных направлений исследования в области литературоведения и теории перевода, которые отражены в общей проблематике «русского Блейка». Собственно рецепция наследия Блейка началась в его первых биографиях и трудах западных блейковедов: А. Гилкрита, А. Суинберна, У. Йейтса, С. Дэймона. Сегодня нельзя представить себе обращение к Блейку без понимания важнейших особенностей и контекстов его творчества, воссозданных Н. Фраем, Д. Эрдманом, К. Рейн, М. Пейли и другими исследователями. Западная критическая рецепция Блейка развивается по собственному сюжету, где Блейк сначала считался безумцем, затем мистиком, затем революционером, деконструктивистом, антиглобалистом, и так далее, и так далее; нужно отметить, что этот сюжет в той или иной мере повторяется и в русской рецепции.

Существуют и отечественные исследования, посвященные раскрытию основных черт поэтики Блейка, образно-идейного своеобразия его произведений. Так, З. А. Венгерова и К. Бальмонт открыли Блейка для русской публики, охарактеризовав его как забытого предтечу символистов и прерафаэлитов; он ощущался в этот период как современник Уитмена и Суинберна. В 1950–1960-е годы Т. Н. Васильева, А. А. Елистратова, Е. А. Некрасова, Н. Я. Дьяконова и некоторые другие рассматривали Блейка как «революционного» романтика, борца за права слабых и угнетенных. В постсоветское время Г. А. Токарева, О. М. Смирнова, Т. М. Гусева, И. Г. Гусманов охарактеризовали Блейка уже не как «воинствующего гуманиста», но как создателя глобального авторского мифа, как мастеровитого поэта и глубокого мыслителя.

Русская рецепция Блейка как предмет исследования представлена была, однако, весьма в небольшом количестве публикаций.

Важно отметить библиографический список А. Н. Гиривенко и А. Р. Недачиной (1994), а также списки «Blake among the Slavs» и «Blake circles», которые регулярно публиковал американский ученый Дж. Бентли-мл. в журнале «Blake / An Illustrated Quarterly»: эти библиографии стали отправными точками нашего исследования.

Анализу русских переводов произведений Блейка посвящен ряд статей русских переводчиков и исследователей: В. М. Жирмунского (1965), С. Л. Сухарева (1976), Г. Н. Токарева (1980), Ю. М. Трофимовой (1982), О. Р. Демидовой (1987), Г. М. Кружкова (2010), Ю. Таранникова (2010), П. В. Панченко (2010), Д. Н. Жаткина (2014). Эти авторы привлекали внимание к проблеме передачи стихов Блейка в традициях русской силлабо-тоники, выявили наиболее значимые переводы и переводчиков, наметили основные тенденции оценивания качества переводов в области тонкого противоречия между эквивалентностью и адекватностью перевода. Наиболее значительной работой этого направления стала многотомная монография орловского ученого И. Г. Гусманова «Русский Блейк» (2014-2016), в которой были исследованы переводы лирики Блейка на русский язык практически во всем их объеме и за весь период от Бальмонта и до последних лет.

Судьбе творческого наследия Блейка в России посвящена глава в большой статье Т. Н. Васильевой (1969). История русской рецепции поэта фрагментарно затрагивается в монографии А. А. Елистратовой (1970), в учебном пособии Г. В. Аникина и Н. П. Михальской (1975), а также в комментариях к сборникам переводов А. М. Зверева (1978, 1982). Советская история рецепции Блейка предсказуемо однонаправленна: в ней, как правило, символистские трактовки и переводы оцениваются как упадочные, а переводы Маршака превозносятся.

Теме русской рецепции Блейка также посвящены несколько интересных статей в академических журналах, в том числе зарубежных – Дж. Бентли (1977); Н. Уорнера (1983–1984); М. Бидни (1987), Г. В. Яковлевой (2000); большинство западных статей на эту тему не были замечены в русском литературоведении. Небольшие обзоры русской рецепции вошли в диссертационные исследования Е. В. Косачевой (2002), О. М. Смирновой (2003), Г. А. Токаревой (2006). Однако многие факты творческого диалога между английским романтиком и русской культурой, в особенности первой половины XX века, остаются незаслуженно забытыми.

До сих пор рецепция Блейка в России не осознана и не воссоздана как единый процесс, начатый еще в XIX веке. Последние годы приносят открытия в этом вопросе и ставят задачу заново осмыслить рецепцию Блейка, в частности, как яркого представителя английского романтизма, в русской литературе и культуре.

Объектом исследования являются особенности формирования и развития рецепции произведений английского романтика Уильяма Блейка в истории русского литературно-критического процесса XIX – XXI веков.

Предметом исследования послужили различные направления рецепции Блейка в русской культуре, такие как переводческое, критико-литатуроведческое и литературное, в социально-историческом и идеологическом контексте.

Материалом исследования являются произведения Уильяма Блейка (лирика, поэмы, эпиграммы, проза); англо- и русскоязычные биографии Блейка; стихотворные и прозаические переводы Блейка на русский язык; литературная и искусствоведческая критика на английском и русском языках; литературоведческие исследования на русском и английском языках; дневниковые материалы и переписка; произведения русских поэтов и прозаиков, содержащие аллюзии на Блейка или переключки с ним, в том числе архивные и не опубликованные ранее материалы.

Цель диссертационного исследования состоит в анализе поэтического наследия Уильяма Блейка как источника и объекта творческого диалога в русской и советской литературе и культуре. При этом главное место в исследовании посвящается освещению ранее не исследованных фактов литературы и культуры, заполнению исследовательских лакун в отечественной рецепции Блейка.

Достижение поставленной цели требует выполнения следующих **исследовательских задач**:

- 1) определить место творчества Уильяма Блейка в литературном движении английского романтизма;
- 2) исследовать эволюцию восприятия наследия Блейка в западном литературоведении;
- 3) проанализировать черты образа России в творчестве Блейка;
- 4) рассмотреть особенности истории публикации и причины непопулярности первой статьи о Блейке на русском языке (1834 г.);
- 5) проанализировать и дополнить картину дореволюционной русской рецепции Блейка (символистская критика

и переводы, творчество Н. Гумилева, Ю. Балтрушайтиса и Д. Хармса, переводы К. Бальмонта, В. Эльснера и Н. Гумилева);

б) ввести в научный оборот и исследовать факты рецепции Блейка в литературе и культуре русского зарубежья (творчество Бориса Анрепа и Бориса Поплавского, перевод Серафимы Ремизовой);

7) проанализировать советскую рецепцию творчества Блейка: переводческую, критическую, поэтическую, музыкальную;

8) исследовать направления рецепции Блейка в постсоветской культуре (критика, переводы, цитирование, переводы блейковедческих трудов).

Теоретической основой исследования стали принципы сравнительного литературоведения, разработанные в исследованиях Александра Н. Веселовского, Алексея Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада, М. П. Алексева, И. Г. Неупкоевой, В. Е. Багно и др.

Первоочередную значимость для диссертационной работы имеют работы по теории и истории художественного перевода, а также по истории русской переводной литературы А. В. Федорова, Е. Г. Эткинда, Ф. Г. Овчинниковой, П. М. Топера, Л. Л. Нелюбина, Г. Т. Хухуни, А. Н. Гиривенко и др.

Немаловажна для методологии исследования диалогическая концепция культуры М. М. Бахтина, в которой культура существует как пространство взаимодействия, взаимовлияния, а забытые уже, казалось бы, смыслы и образы получают неожиданное продолжение в актуальной истории культуры.

Для данной работы также принципиальны идеи герменевтики и рецептивной эстетики, выдвинутые в работах Г.-Х. Гадамера, П. Рикера, В. Изера, Г. Яусса, согласно которым контекст культурно-исторического восприятия является фактором актуализации важнейших значений, потенциально заданных в тексте как явления культуры.

Особенное место занимает в методологии и теории работы накопленный опыт исследований англо-русских литературных влияний, выраженный в трудах Г. Н. Бояджиева, Л. Е. Пинского, И. М. Катарского, Ю. Д. Левина, Д. Н. Жаткина, Н. М. Ильченко и др.

Методологической базой исследования стали историко-литературный, сравнительно-исторический, историко-типологический, сравнительно-типологический и биографический методы исследования, применяемые в системе комплексного подхода.

Научная новизна исследования заключается в том, что в современном отечественном литературоведении данная работа является первым монографическим исследованием, посвященным вопросам рецепции творчества Блейка в русской литературе и культуре. Автором впервые:

1) воссоздана и периодизирована история рецепции и создания образа творчества Блейка в западной критике;

2) проанализирована история написания (перевода) первой русской статьи о Блейке (1834);

3) введены в научный оборот переводы из Блейка Владимира Эльснера («Прорицания невинности», «Посвящение», 1912);

4) обнаружены, расшифрованы и введены в научный оборот переводы из Блейка Николая Гумилева («Духовный странник», 1919-1921) и Серафимы Ремизовой («Бракосочетание рая и ада», 1920-е – 1930-е гг.);

5) обнаружены факты образно-стилистической переклички с Блейком в стихах Константина Бальмонта, Николая Гумилева, Юргиса Балтрушайтиса, Даниила Хармса и др.;

6) доказаны многочисленные факты рецепции Блейка в период Серебряного века и в словесности русского зарубежья;

7) введены в научный оборот неопубликованные поэмы Бориса Анрепа «Создание мира», «Сотворение человека» и опубликованная в Великобритании в 1913 году поэма «Foreword to the Book of Anger», обнаруживающие значительные переклички с творчеством Блейка-эпика;

8) исследовано литературное и художественное творчество Б. Анрепа как творческого «наследника» Блейка;

9) проанализированы переводческие стратегии советских и постсоветских переводчиков Блейка на русский, выявлены особенности образа «русского» переводного Блейка;

10) исследован и периодизирован большой объем русскоязычной литературоведческой рецепции Блейка как лирика и автора «пророческих поэм»;

11) выявлены и проанализированы факты обращения к наследию Блейка в творчестве поэтов И. Бродского, Г. Алексева, В. Блаженного, А. Таврова и других;

12) исследована роль посреднических факторов культуры (музыка, кино) и переводных источников в восприятии Блейка в СССР и России.

Достоверность исследования обеспечена применением традиционных методов академического литературоведения в сочетании с современными исследовательскими технологиями, адекватными материалу и поставленным задачам.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении концептуальных оснований понятия «романтизм», основанном на переосмыслении субъектности в период конца XVIII в. – начала XIX в. Предложенное понимание романтизма используется в применении к творческим принципам и практике Уильяма Блейка, что способствует уточнению места этого автора в литературном процессе как раннего романтика. В диссертации предложена концепция рецепции как метода создания образа автора и его творчества, который разворачивается и усложняется по мере течения времени, что создает основания для постулирования рецепции как важнейшего понятия истории литературного процесса, сравнительно-исторического литературоведения и литературоведения в целом. Выдвинута идея сочетания переводческих стратегий как метода создания многомерного образа автора в литературе переводного языка.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его материалов и результатов в разработке общих курсов по теории и истории литературы в рамках программ высших учебных заведений («История русской литературы», «История зарубежной литературы», «Теория литературы»). Также материал может быть использован при разработке программ для спецкурсов и спецсеминаров в высших учебных заведениях, в том числе по направлениям «Сравнительное литературоведение», «Переводоведение», «Русско-английские литературные связи».

Положения, выносимые на защиту:

1. Источник романтического сознания связан с зародившимся в Просвещении переосмыслением личности, теперь осознающей себя как центр познающей вселенной. Романтизм в своей художественной практике утверждает ряд принципиальных положений: незавершенность и вечное становление мира; универсализм; важность противоположных, взаимодополняющих сторон бытия; сложность авторского иносказания; интерес к средневековому искусству; эстетическая объективация фольклора; фрагментарность как жанровый принцип, обоснование

гибридных жанров романа и лироэпической поэмы; синтетичность познания, смешение наук и искусств в единую «симфилософию» (Ф. Шлегель); романтическая ирония как свидетельство неполноты нашего знания о мире. Представляются сомнительными теоретические перспективы следующих атрибутов романтизма: деление на «революционный» (демократический, активный) и «реакционный» (аристократический, пассивный); понимание романтизма как вневременного «нереалистического» творческого метода; концепция романтического «двоемирия»; идеализация «патриархальной старины»; определяющий конфликт «герой и толпа».

2. Блейк воплощает в своем поэтическом творчестве основные закономерности развития романтического мышления. Он утверждает сущностное единство человека, который изначально открыт ко всему миру; развивает романтическую диалектику; использует фольклорные формы и мотивы; пользуется сложным авторским иносказанием; становится одним из пионеров британского романтизма в области создания гибридных жанров.

3. Величие Блейка создается в сумме рецептивных отражений. Каждая новая эпоха и новое направление (символизм, психоанализ, структурализм, мифокритика, марксизм, деконструкция, постколониализм, феминизм и пр.) открывает в творчестве Блейка черты принципиально близкие, и происходит прибавление смыслов. Он горячо принят как авторами-модернистами (от Йейтса до Хаксли), так и постмодернистами (от Дилана Томаса до Анджелы Картер).

4. Россия входила в художественную палитру эпической географии Блейка, наряду с Польшей, Сибирью и «Тартарией». Образ блудницы Вавилонской на портрете 1809 года отражает портретные черты Екатерины II, которая была воспринята в Англии как порабощительница Польши; вероятно, она также послужила прообразом королевы Энитармон в поэме «Европа».

5. Первая статья о Блейке в России в 1834 году в «Телескопе» является не переводом из английской книги А. Каннингема, а переводом французской статьи А. Пишо по мотивам Каннингема. Низкий уровень этого перевода, стилистические ошибки привели к тому, что материал не был замечен.

6. Блейк является заметной персоной в русской культуре начала XX века. Он появляется в обзорах западной литературы и живописи с 1900 года; издание его книг планируют символистские издательства; его переводят, наряду с К. Бальмонтом, Н. Гумилев и В. Эльснер. Лирика К.

Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, Н. Гумилева, Д. Хармса отсылает к лирике Блейка в образной системе, настроении, ритмической организации.

7. Блейк является актуальным автором для словесности русского зарубежья, что подтверждается цитированием его у Алексея Ремизова, Бориса Поплавского, Владимира Набокова, статьями В. Вейдле и Р. Якобсона. Важнейшим творческим «наследником» Блейка становится эмигрировавший художник и поэт Борис Анреп, который пишет поэмы, явно воссоздающие образы и приемы пророческой поэзии английского романтика. Ранее неизвестный перевод Серафимой Ремизовой «The Marriage of Heaven and Hell», выполненный в Париже в 1920–1930-х годах, является не только первым переводом поэмы на русский язык, но и одним из наиболее точных.

10. Наряду с переводами из Блейка, С. Маршак вступал с ним в творческий диалог в лирике и опирался на его опыты в «детской» стилистике и иллюминированной печати при создании советской детской книги. Советская стратегия издания Блейка, начиная с Маршака, формировалась по принципу антологии, с накоплением различных переводов.

11. «Реабилитируя» Блейка как «революционного» романтика с 1957 года, советская критика выдвигала следующие аргументы: революционный и тираноборческий пафос его стихов, рабочее происхождение и гуманизм. Пророческие поэмы Блейка трактовались как продукт творческого упадка, порожденный трагическим социальным одиночеством поэта.

12. В творческий диалог с Блейком вступают поэты XX в.: И. Бродский, Г. Алексеев, В. Блаженный. Блейк для советского читателя важен как автор лирических произведений и не признанный при жизни творец, чья судьба становится своего рода архетипическим образцом жизни поэта андеграунда.

13. История постсоветского «русского Блейка» включила в себя несколько важнейших переводческих стратегий: архаизирующие «концептуальные» переводы Степанова, растянутые объяснительные переводы В. Чухно, творчески-свободные переводы Г. Сапгира, логоцентричные переводы Г. А. Токаревой и И. Г. Гусманова, а также музыкальные комментированные переводы Д. Смирнова. В такой разности подходов формируется объем художественной вселенной переводного поэта.

14. В постсоветский период русские исследования Блейка восприняли богатство методов современного литературоведения; наиболее

значимы работы Г. А. Токаревой о мифологизме Блейка, переводоведческие штудии И. Г. Гусманова и биография Блейка авторства Д. Смирнова-Садовского.

15. Блейк занял значительное место в пространстве современной русской словесности, в частности, мотивы его лирики и пророчеств осваивает поэт А. Тавров. Блейк становится для Таврова ключом к тотальной поэтизации вселенной; от герметического принципа «что вверху, то и внизу» здесь совершается переход к принципу «все во всем», и этот принцип оказывается важнейшим для современной поэзии.

16. Свою роль в освоении Блейка русским читателем сыграли такие посреднические явления культуры, как «Овод» Этель Войнич, творчество Рокуэлла Кента и Аллена Гинсберга, музыка группы «The DOORS», фильм Дж. Джармуша «Мертвец».

Апробация темы исследования. Основные положения, содержание и выводы диссертации отражены в публикациях автора, 15 из которых напечатаны в изданиях, входящих в перечень ВАК РФ, в том числе индексируемых в базе данных Scopus. Материалы диссертационного исследования были представлены в докладах на международных научных и научно-практических конференциях: международном коллоквиуме «The Reception of William Blake in Europe» (26–27 июня 2014 года, Лондон, Tate Gallery), всероссийской научной конференции «Творчество И.А. Бунина: взгляд из XXI века» (10–11 декабря 2018 года, Орел, Орловский государственный университет), международной научно-практической конференции «Новейшая филология: итоги и перспективы» (15–16 февраля 2019 года, Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского), II Чумаковских чтениях (12–13 апреля 2019 года, Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет), всероссийской научной конференции «Сюжетология / сюжетография – 6» (14–16 мая 2019 года, Новосибирск, Институт филологии СО РАН), международной научной конференции «Традиции в новейшей немецкоязычной и русскоязычной поэзии» (20–21 мая 2019 года, Москва, ИМЛИ РАН), 10-й сессии международного научного семинара «Современные проблемы компаративистики» (13-15 июня 2019 года, Москва, РГГУ), международной конференции «Romanticism Now and Then» (31 июля – 2 августа 2019 года, Манчестер, Великобритания), международном коллоквиуме «Blake meeting» (22 сентября 2019 года, Лондон, Tate Gallery).

Структура диссертации включает введение, пять глав, заключение, список использованных источников (700 наименований) и четыре

приложения. В приложениях содержатся переводы и оригинальные тексты русских писателей, введенные в научный оборот автором диссертации. Содержание диссертации изложено на 402 страницах, приложения занимают 42 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется актуальность темы исследования, охарактеризована история вопроса, сформулированы объект и предмет, цель и задачи работы, даны положения, выносимые на защиту, охарактеризована апробация результатов исследования.

Первая глава исследования, «Поэтическое творчество Уильяма Блейка как объект литературоведческой рецепции», посвящена уточнению места Блейка как автора в литературном процессе, в том числе в диахроническом аспекте, и включает параграф, посвященный образу России и русским реалиям в творчестве английского романтика.

Параграф 1.1, **«Место Уильяма Блейка в истории европейского романтизма»**, включает две части: аналитический пересмотр и уточнение понятия литературного романтизма и исследование вопроса о принадлежности литературного творчества Блейка к романтизму.

Источник романтического сознания связан с зародившимся в Просвещении переосмыслением личности. Личность, осознающая себя как центр познающей вселенной, оказывается свободна от ограничений любой поэтической формы, от жанровых рамок и былых эстетических идеалов. Этот запал личностной свободы от романтизма переходит и в настоящее время: утверждение творческой свободы стало отличительным знаком неканонической, авторской эстетики.

Вновь открытая свобода личности предопределяет переосмысление образа автора как демиурга собственной вселенной, и потому автор становится ключевой фигурой текста, а его герой, также осознаваемый как личность, становится *alter ego* автора. Автор вступает с ним в субъект-субъектные отношения; развивается понятие лирического героя.

Отталкиваясь от традиционных эстетик, и прежде всего от классицизма, романтизм в своей художественной практике утверждает ряд принципиальных положений: разомкнутость, незавершенность и вечное становление мира (вместо энциклопедической полноты описания); универсализм мира; важность противоположных, взаимодополняющих сторон бытия (вместо однозначной морали); сложность авторского

иносказания (вместо системы традиционных аллегорий); интерес к средневековому искусству (вместо идеализации античности); эстетическая объективация фольклора; фрагментарность как жанровый принцип, обоснование гибридных жанров романа и лироэпической поэмы как отражающих сложность и незавершенность мира (на смену строгой жанровой иерархии); синтетичность познания, смешение наук и искусств в единую «симфилософию» (Ф. Шлегель) (вместо классификации знаний); романтическая ирония как свидетельство неполноты знания о мире.

Результатом всего этого становится, по крайней мере в раннем романтизме, концепция радостной открытости человека миру – то самое состояние, которое Блейк воссоздает в «Песнях невинности», а Ф. Шлегель называет «фестивальностью» и «урбанностью» (Festivität, Urbanität).

В то же время представляются сомнительными теоретические перспективы следующих атрибутов романтизма: разделение на «революционный» (демократический, активный) и «реакционный» (аристократический, пассивный); идеализация «патриархальной старины»; определяющий конфликт «герой и толпа»; понимание романтизма как вневременного творческого метода; концепция романтического «двоемирия»: разрыв между реальностью и мечтой не актуален для всего романтического периода: для раннего романтизма, напротив, свойствен универсализм.

Вышеперечисленные проблемы определения романтизма относятся и к Блейку. Сложная концепция человека и личности Блейка укоренена в христианско-мистической традиции. Человек у Блейка всемогущ и воплощает божество; вместе с тем и ограничения для вольного человеческого духа Блейк более чем сознает. Глобальный авторский миф, развернутый в «пророчествах», – это история падшего человечества и прорицание о его грядущем спасении. Блейк уравнивает грехопадение с трагическим разделением и ограничением человеческого духа, которое произошло в вечности и происходит каждый день.

Блейк развивает концепцию взаимодополнения противоположных сторон бытия, романтическую диалектику. Это и состояния невинности и опыта, и ангелы и дьяволы «Бракосочетания», и Порождающие и Пожиратели в пророчествах.

Сложен вопрос о психологизме Блейка; но несомненно, что он видит в себе автора-героя своих пророчеств, а его Лос – творческий двойник автора. Психологизм Блейка любопытным образом физиологичен, он отражает характерный для романтиков синтетизм восприятия мира.

Эпосы Блейка отвечают романтической незавершенности – в том числе и потому, что сам автор свою мифологическую систему делает открытой. Риторическую традицию прошлого Блейк использует активно, но последовательно занимается ее деконструкцией в рамках синтетического авторского мифа. Блейк воодушевляется пророками Библии, противопоставляя их рассудочным античным авторам; высоко оценивает средневековое искусство, отрицая определение «темные века» и говоря о принципиальной роли Гения, а не времени.

В области создания гибридных жанров Блейк становится одним из пионеров британского романтизма: его пророчества, от публицистичного «Бракосочетания» до эпичного «Иерусалима», наполнены отрывками различной художественной модальности и жанрового притяжения. Жанровое смешение связано и с синтетичностью познания. Блейк смешивает ветхозаветных пророков и Мильтона, сдобривая их собственным образным восприятием физиологии, географии и физики. Он также пользуется сложным авторским иносказанием.

Таким образом, Блейк оказывается полноправным представителем романтизма, воплощая в своем поэтическом творчестве основные закономерности развития романтического мышления. Творчество его подтверждает идею о том, что романтизм – прежде всего не цеховые объединения поэтов или прозаиков, но эпоха в становлении европейской цивилизации.

Второй параграф первой главы, **«Эволюция восприятия наследия Блейка в западном литературоведении»**, отражает развитие зарубежной (в основном англоязычной) рецепции Блейка как поэта.

Блейк относится к тем авторам, чье величие воссоздается в сумме рецептивных отражений. История исследований наследия Блейка наглядно отражает эволюцию методологии литературоведения и искусствоведения: от биографизма и мифологической школы, от структурализма и неомарксизма к исследованиям в области постмодернистских разомкнутых структур, гендера и рецепции. Каждая новая эпоха открывает в Блейке черты принципиально близкие, занимаясь прибавлением смыслов.

История его исследования может быть подразделена на несколько важнейших этапов:

1) 1790-е – 1850-е: биографический подход и анекдоты (Г. К. Робинсон, А. Каннингем);

2) 1860-е – 1920-е: модерн и мистицизм: первые издания и начало интерпретации (А. Гилкрист, У. Б. Йейтс, Ф. С. Дэймон);

3) 1940-е – 1970-е: структурализм: систематическое изучение авторской мифологической системы и исторических обстоятельств (Н. Фрай, Д. Эрдман);

4) 1980-е – 2010-е: постструктурализм: переход к незамкнутым структурам, гендерные исследования, неомарксизм.

Сравнительно малоизвестный при жизни, Блейк, однако, вызывал отклики, в том числе и знаменитых современников, таких как Р. Саути, У. Вордсворт и С. Т. Колридж. У современников Блейк вызывал интерес как занятая личность, полусумасшедший духовидец.

Второй этап восприятия наследия Блейка начался в 1860-х годах. Первая подробная биография Блейка авторства А. Гилкрита: «Уильям Блейк, неизвестный художник» (1863), с приложением его основных произведений. Монография А. Суинберна «Уильям Блейк: критическое эссе» (1868) представила первое исследование Блейка-поэта. Ключевым текстом этого периода стало трехтомное собрание сочинений Блейка с большим комментарием, опубликованное У. Б. Йейтсом и Э. Дж. Эллисом в 1893 году. Сформировавшаяся репутация мистика и «модерниста» долго препятствовала тому, чтобы Блейк был признан представителем романтизма.

Важнейшим исследованием третьего периода стала монография Нортропа Фрая «Пугающая симметрия» (Fearful Symmetry, 1947), где труды Блейка впервые были представлены как единое целое, упорядоченный и единый объект литературоведческого анализа. М. Шорер, Я. Броновски, Д. Эрдман исследовали творчество Блейка как человека своей эпохи, помещали его в контекст места и времени. В 1965 году Ф. Дэймон опубликовал свой масштабный «Словарь Блейка», в котором стремился выстроить мифологемы Блейка в непротиворечивую систему.

Современный период исследования Блейка, начавшийся в 1980-х годах, связан с отказом от попыток системного обобщения. Главные направления исследования с этих пор – исследования текста Блейка как креолизованного; лингвистические штудии; гендерные и феминистические исследования; компаративный анализ и исследования рецепции, в том числе в иных культурах.

Третий параграф первой главы, **«“Русская тема” в письмах и произведениях Блейка»**, посвящен теме России в творчестве английского романтика.

Блейк называет Россию и ее отдельные территории в своих больших пророчествах «Мильтон» и «Иерусалим», в своего рода ветхозаветных

каталогизациях мира. Упоминание в отдельности Польши и Сибири, «Тартарии» и России свидетельствует о том, что духовная география произведений Блейка неточно соответствовала актуальному административному делению мира.

Есть основания считать, что образ русской императрицы Екатерины II был для Блейка воплощением зловещей Женской Воли (*Female Will*) и стал образцом для блудницы Вавилонской, запечатленный им в портрете 1809 года, а также одним из прообразов властной демиурга-пряжи Энитармон в пророческих поэмах. В политике конца XVIII в. не было правительницы, которая больше воплощала бы концепцию важной для Блейка женской власти, чем Екатерина II.

Вторая глава «Дореволюционная рецепция Блейка в России: от биографических анекдотов до Ахматовой» посвящена откликам на стихи Блейка в России на протяжении XIX и начала XX века: критике, переводам, творческому диалогу. Особый упор в главе сделан на малоизвестные или впервые введенные в научный оборот факты.

Первый параграф второй главы, **«Первая русская статья о Блейке (1834) как опыт ранней рецепции, не имевший продолжения»**, посвящен анализу происхождения и судьбы первой статьи, посвященной памяти поэта, в журнале «Телескоп».

Источником для этой статьи стала не книга А. Каннингема (как это указано в журнале и как считалось ранее в русской критике), а ее вольный пересказ авторства Амедея Пишо в «Revue de Paris» 1833 года. Перевод во многом неточен и не относится к достижениям русской словесности. Русский текст пестрит кальками с французского и просто неловкими выражениями. Так, например, в английском тексте отец Блейка – чулочник, торговец трикотажем (*hosier*), во французском – также «трикотажник, чулочник» (*bonnetier*); в русском он почему-то становится «почтенным колпачником».

Переводчиком статьи о Блейке с французского издания могли выступить многие сотрудники журнала, в частности, издатель журнала Н. И. Надеждин или В. Г. Белинский: оба они публиковали в «Телескопе» свои переводы с французского, однако точно установить авторство перевода пока не представляется возможным.

Из статьи русский читатель мог узнать, что Блейк был сумасшедшим визионером, познакомиться с некоторыми подробностями его биографии, не всегда точными, а также прочесть первые на русском языке фрагменты критической оценки текстов Блейка и прозаические переводы его лирики: «Маленькой барашек, кто сотворил тебя? Маленькой барашек, кто

сотворил тебя? Кто дал тебе жизнь? Кто указал путь к реке и на луг? Кто облек тебя мягким, блестящим руном?» (и т. д.).

Материал не был замечен, и о Блейке русская критика долго не вспоминала. Наиболее очевидной причиной кажется не вполне удачный двойной перевод (с английского на французский, а затем на русский), – лирика Блейка в таком виде не смогла заинтересовать русского читателя. В связи с этим более поздняя русская рецепция восприняла Блейка не как современника романтиков, но как раннего символиста.

Во втором параграфе второй главы, **«Блейк как предтеча символистов: символистская критика, переводы Константина Бальмонта и стихи Юргиса Балтрушайтиса»**, охарактеризовано «открытие» Блейка в русской критике на рубеже веков.

Фрагменты из книг И. Шерра (1896), М. Дубинского (1900), В. Стасова (1901, 1906), С. Яремича (1904) воспроизводят негативные отклики западной литературной и художественной критики о Блейке. Однако в то же время в статьях З. А. Венгеровой (1896, 1897) и переводах К. Бальмонта (с 1900 г.) происходит «оправдание» Блейка как предтечи символистов.

Для признания Блейка в русском символизме есть три существенные причины: 1) деятельная мистика Поэтического Воображения Блейка была созвучна символистскому взгляду на мир; 2) русский символизм, как и модернизм в целом, заново открывал для себя европейский романтизм; 3) Блейк был открыт прерафаэлитами, относившимися к тому же литературному поколению, что символисты.

З. А. Венгерова решительно уподобляла Блейка символистам и противопоставляла романтикам; она в своей большой статье прослеживает развитие идей и образов в творчестве Блейка от лирики к большим пророчествам, анализирует несколько стихотворений. Венгерова как переводчица «Овода» Э. Войнич стала и первой переводчицей «Мошки» («*The fly*») Блейка: последняя строфа, приведенная в романе, задала своеобразную тенденцию по осмыслению творчества Блейка как оптимистического, хотя в оригинале мысль сложнее.

Увидев в Блейке предшественника модернизма, Бальмонт-переводчик помогал его стихам «дорости» на русской почве до символистской глубокой образности и формальной смелости. В творчестве обоих поэтов можно найти множественные связи: в цикле Бальмонта «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (1909) очевидны композиционные и тематические переключки с «Песнями невинности и опыта» Блейка (простота лексики, мажорная интонация, пасторальные

картинки, простая мораль, обращение к фольклору и множество риторических вопросов). О пророчествах Блейка напоминает масштабность видений цикла «Сонеты солнца, меда и луны» (1921) («Огненный мир», «Звездные знаки», «В те дни» и др.).

В активный творческий диалог с Блейком вступает в своей лирике Юргис Балтрушайтис (1873–1944). Он цитирует Блейка в эпиграфах в оригинале, а в его стихах много образно-тематических переключек с английским романтиком. Открывающее стихотворение цикла Балтрушайтиса «Земные ступени» (1911) кажется развернутым пересказом знаменитого четверостишия «To see the world in a grain of sand...». Стихотворения из этого цикла воссоздают многие из тем «Песен невинности и опыта»: тема труда и божественного откровения (либо его отсутствия), суровые будни горожанина. Наполнен аллюзиями к текстам английского романтика и цикл «Горная тропа» (1912), две части которого снабжены эпиграфами из Блейка. Принципиальным общим основанием поэзии Блейка и Балтрушайтиса является глубокая религиозность авторов, связанная с переосмыслением роли поэта в искуплении и спасении мира.

О Блейке в этот период подробно пишет историк литературы Ф. Д. Батюшков, сопоставляя его с Бернсом и Бальмонтом (1912); упоминают его Сологуб и Брюсов, Пастернак, Блок и Ремизов; книги его переводов были включены в планы издательств «Пантеон» и «Скорпион».

Третий параграф второй главы, «**Анонимный перевод из Блейка в 1912 году: загадка инициалов В.Э.**», вводит в научный оборот малоизвестные переводы из Блейка, выполненные Владимиром Эльснером и включенные в альманах «Антология современной поэзии» (из серии «Чтец-декламатор», Киев, 1912).

Эльснер перевел в прозе отрывки из «Прорицаний невинности» и «Посвящение» («*Dedication of the Designs to Blair's 'Grave'*»). Не скованный требованиями рифмы и размера, он переводит зачастую слишком прямолинейно. Однако Эльснер сохраняет в своих прозаических переложениях яркую, физиологичную образность оригинала, – впервые Блейк так образно и сильно говорит по-русски.

Четвертый параграф второй главы, «**Блейк – “духовный странник” в наследии Николая Гумилева**», посвящен пересмотру роли Блейка в творческой биографии Гумилева.

Дневниковые записи современников Гумилева послереволюционного периода (И. Одоевцева, Г. Иванов) показывают, что он читал в оригинале и лирику, и поэмы Блейка. Вероятно, он обратил особое внимание на Блейка в 1917–1918 годы, во время визитов в Лондон,

где он общался с такими поклонниками и популяризаторами творчества Блейка, как Борис Анреп и У. Б. Йейтс.

Автором работы введен в научный оборот перевод Гумилевым первых семи катренов поэмы Блейка «The Mental Traveller». Рукопись этого перевода (без указания автора оригинала) хранится в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме (МА, ф. 20, оп. 1, д. 6). Это первый известный опыт перевода данной поэмы на другой язык.

Перевод Гумилева отличается поэтической цельностью и силой воздействия; он стремится к максимальной естественности стиля вместе с сохранением деталей оригинала. Перевод мог быть выполнен около 1919 года, когда Гумилев активно занимался переводами с английского, сотрудничая во «Всемирной литературе».

Есть у Гумилева стихи, напрямую указывающие на Блейка или, в заметной степени, учитывающие опыт его «пророческого» обобщения реальности в мифологических опытах: это «Естество», «Душа и тело», «Слово», «Заблудившийся трамвай», «Память», «Канцона», «Звездный ужас», «Дева-птица», «Поэма начала». В частности, необычный блейковский образ древнего «Святого Слова», *Holy Word*, весьма вероятно, является источником и для «Слова» Гумилева.

Гумилев придавал особенное значение стихотворениям из сборника Блейка, известного как «Манускрипт Пикеринга». В планировавшемся сборнике Гумилева «Посередине странствия земного. Стихи 1921 – » эпиграфом должны были стоять строки из стихотворения Блейка «Юдоль грез» («*The Land of Dreams*»):

Father, O Father, what do we here,
In this land of unbelief and fear?

Пятый параграф второй главы, «**Блейк в Серебряном веке и раннем СССР. Толстой, Ахматова, Хармс и другие**», посвящен исследованию Блейка в переписке, дневниках и творческой практике других авторов начала XX века. В частности, проанализировано упоминание Блейка в переписке Л. Толстого и Б. Шоу.

А. Ахматова неоднократно упоминает Блейка, в частности, записывает в дневник, что видит некоторое родство между своими произведениями и тематикой поэмы «Книга Тэль».

Значимым автором оказывается Блейк для Д. Хармса. В частности, он переписывает стихи Блейка, неоднократно упоминает его в дневниках и записях. Обоих поэтов объединяло недоверие к письменному слову и «выученной» книжной культуре (см. начало «Песен невинности», где бард начинает записывать свои слова, «металлические книги» Уризена – и

«Случаи» Хармса). Аллюзии на стихотворение «The lamb» присутствуют в стихотворении Хармса «Овца» (1929), а также в образе жертвенного «барашка» из «Сценария елочной песни для К. Н. Шнейдер». В стихотворении «Тигр на улице» (1935) перефразируется основной вопрос «Тигра» Блейка – вопрос о благодати и познаваемости Творца. Хармс видит в нелогичной порой лирике Блейка родственные ноты, использует его символы как буквы культурной азбуки.

Третья глава, **«Блейк в культуре русской эмиграции первой волны: творческое наследование и переводческая рецепция»**, посвящена исследованию образа Блейка в русском зарубежье, в частности, в творчестве Бориса Анрепа и Бориса Поплавского, четы Ремизовых, В. Набокова, а также в критике.

Первый параграф третьей главы, **«Наследие Блейка в творчестве Бориса Анрепа»**, раскрывает творческий диалог между английским романтиком и его русским «наследником», поэтом и художником.

Литературное наследие Анрепа во многом опирается на опыт прочтения пророческих книг Блейка. В работе введены в научный оборот поэмы Бориса Анрепа «Владимир», «Создание мира» и «Сотворение человека», сохранившихся только в архивах.

Как и Блейк, Анреп стремится творчески переосмыслить момент создания мира, пишет альтернативную версию творения («Создание мира», 1900-е); причудливо объединяет лирические пейзажные зарисовки и физиологизм («Сотворение человека», 1905). «Предисловие к Книге Анрепа» (1913), самодельная книга с красной кожаной обложкой на английском, стала своего рода реставрацией принципов создания рукотворных книг Блейка. Скалы, птицы, сотворение человека в связи с сотворением мира, образное взаимодействие человека и природы – эти мотивы пророческих поэм Блейка воплощены в поэме «Человек» (1916). В поэме «Физа» (1910-е), где герой-пророк, являющийся и алхимиком, и ремесленником, переживает истинно чудесные метаморфозы, пророческая риторика и аллегоричность причудливо смешивается с отражением современных Анрепу явлений.

Стиль Анрепа-художника, мозаичиста, также связан с влиянием Блейка-художника. В 1923 г. Анреп оформил пол зала в галерее Тейт восемью панно на «Пословицы Ада» из поэмы «Бракосочетание рая и ада».

Во втором параграфе третьей главы, **«Первый русский перевод “The Marriage of Heaven and Hell”: Серафима Ремизова»**, раскрывается история впервые введенного в научный оборот перевода одной из наиболее значительных поэм Блейка.

В Государственном литературном музее (Ф. 156. Оп. 2. Ед. 1092–1095) хранятся выполненные Серафимой Ремизовой переводы поэмы «The Marriage of Heaven and Hell» и «Song of Liberty», – части, которая была написана несколько позже, но в дальнейшем включалась Блейком в издания поэмы. Эти переводы входят в собрание Резниковых, выкупленное в 2013 году Министерством культуры России.

Переводы датированы 1920–1930-ми годами: это первый перевод данной поэмы на русский язык. Перевод полный, дословный, достаточно близкий к оригиналу, выполнен с точным соблюдением разбивки по строкам. В тексте явен недостаток переводческого опыта, по крайней мере переложения с английского языка. Тем не менее у Ремизовой представлен самостоятельный и уникальный по контексту вариант поэмы Блейка, опирающийся на традиции русской дореволюционной словесности и в то же время весьма близкий оригиналу.

Ремизова последовательно сохраняет образы оригинала, может быть, где-то в ущерб гладкости текста; но сквозь ее перевод просвечивает поэтическое неистовство оригинала, в частности, в переводе ключевой части поэмы «Proverbs of Hell».

Третий параграф третьей главы, **«Блейк в литературе, публицистике и науке русского зарубежья: Набоков, Поплавский, Одоевцева, Якобсон»**, посвящен воссозданию контекста упоминаний Блейка в словесности этого периода.

Как показывает анализ творчества и переписки Набокова, для него Блейк – это главным образом автор «Тигра» или, более широко, «Песен невинности и опыта». Писателя Бориса Поплавского в особенной мере интересует Блейк как автор «Бракосочетания рая и ада»: для него важны тема относительности добра и зла, переоценка роли Ангелов и Дьяволов. В синтетическом мире Поплавского Блейк – обладатель естественной манеры письма и физиологической естественности, как и Джойс.

О Блейке пишет в дневниках и переписке И. Одоевцева, его упоминают в «Звене» В. Вейдле и другие авторы. Р. Якобсон в одной из статей 1970-х годов проводит блестящий лингвистический анализ стихотворения Блейка «Infant Sorrow», находя в нем строгую упорядоченность лексико-грамматических средств и ритма, что ведет к постепенному раскрытию темы.

Четвертая глава, **«“Революционный романтик”: Блейк в советской культуре и критике»**, посвящена образу английского поэта в критике, переводах и поэзии эпохи СССР.

Первый параграф четвертой главы, «**Советские переводы и издания Блейка: Маршак и другие**», раскрывает историю прихода поэта к советскому читателю.

Важнейшим переводчиком Блейка на русский остается С. Маршак, переведивший его всю жизнь; книга его переводов из Блейка вышла посмертно (1965). Переводы Маршака отличаются точностью, адекватностью и благозвучием; однако Блейк в этих переводах становится как будто излишне совершенным и стилистически гладким. С помощью Маршака Блейк-лирик стал для русских читателей классиком английской литературы, – частично утратив характерные шероховатости стиля, полемичный и провокационный тон.

Маршак как лирик и детский поэт вдохновлялся творчеством Блейка. Его стихотворение «Иерусалим» (1918), очевидно, является перифразом отрывка из поэмы Блейка «Мильтон» – «And did those feet in ancient time». Детские стихи Маршака отличаются прямыми параллелями с «Песнями невинности» в области простоты поэтического языка, идиллического настроения; баллады «Сказка о глупом мышонке» и «Сказка об умном мышонке» по сюжету перекликаются с блейковскими стихотворениями о потерявшихся и найденных детях. Маршак также стал одним из авторов идеи новой иллюстрированной детской книги, где текст был неотрывно связан с изображением: вероятно, эта идея также связана с образцами-книжками Блейка.

Издательская история советского переводного Блейка представлена следующими вехами:

- сборник переводов Маршака (1965, в основном лирика);
- раздел Блейка в антологии «Поэзия английского романтизма» (1975, различные переводчики, переводы некоторых поэм);
- сборник переводов различных авторов (1978, в общем повторяет содержание предыдущей антологии);
- большая билингва (1982, много переводчиков, переводы новых поэм, несколько иллюстраций).

Последователем Маршака-переводчика стала В. Потапова; ее переводы отличаются стремлением к формальной красоте, однако часто неточны в передаче смысловых структур оригинала. В. Микушевич близок к бальмонтской стратегии понимания Блейка как мистического поэта. А. Сергеев переводил поэмы Блейка в духе метафизической англоязычной поэзии XX века: сдержанно, мужественно, без сентиментально-идиллических нот. Наконец, В. Топоров пользуется в переводе развязным грубоватым стилем, где устаревшая лексика смешивается с разговорной,

создавая эффект избыточно-барочной архаичности. Вследствие издания стихов Блейка как сборников переводов различного авторства представление о нем как о поэте и мыслителе оставалось у советского читателя отрывочным и разнородным.

Во втором параграфе четвертой главы, **«Блейк в советской критике: “воинствующий гуманист”»**, освещена история советской критики Блейка, которая смогла «оправдать» его для читателей только после 1957 года. До этого упоминания о Блейке в советской печати были крайне редки, хотя можно найти упоминания в энциклопедиях (1930, С. Р. Бабух), учебниках (1945, М. Н. Гутнер) и некоторых переводных источниках (1956, А. Л. Мортон).

Советский Блейк официально «родился» вместе с оттепелью. В 1957 году, в год двухсотлетия Блейка, о нем выходит столько публикаций по всему Союзу, сколько не выходило до сих пор. Решающую роль в «реабилитации» Блейка сыграло решение Всемирного совета мира о проведении празднования двухсотлетия поэта.

Блейк, с его «подпорченной» символистами репутацией, нуждался в серьезном оправдании в советском литературоведении. Аргументами для его оправдания стал революционный пафос его стихов, «рабочее» происхождение и гуманизм. Эта трактовка восходила к западной марксистской критике Д. Эрдмана, Я. Броновски.

Советские исследователи: Т. Н. Васильева, А. А. Елистратова, Е. А. Некрасова, В. М. Жирмунский, А. М. Зверев и другие – создавали образ Блейка как «революционного романтика», труженика и антиклерикала, и за редким исключением видели художественную ценность лишь в его лирике и ранних поэмах. Блейк становится в советской критике недостающим звеном в цепи развития «революционной» тираноборческой поэзии, предшественником Байрона и Шелли.

Крупнейшим исследователем Блейка как поэта в советское время стала кишиневский ученый Т. Н. Васильева. В ряде статей 1956–1976 годов она создала объемный образ Блейка – мифографа, эпика, мыслителя. Глубина и обширность истолкования ею эпической поэзии Блейка не имели равных в советском литературоведении.

Переводческая и критическая рецепция Блейка в советских республиках была достаточно активной и по большей части хронологически следовала возрождению интереса к нему в русской критике и переводах после 1957 года.

Третий параграф четвертой главы, **«Диалог с Блейком в литературе и культуре советского времени»**, посвящен главным образом поэзии авторов середины XX века, для которых Блейк представлял важное культурное явление. Важно отметить роль в восприятии Блейка «посреднических» текстов Э. Войнич и Р. Кента.

Несмотря на непростой путь Блейка к русскому читателю, уже в советское время в поэтический диалог с ним вступали такие авторы, как Иосиф Бродский, Геннадий Алексеев и Вениамин Блаженный. Их творчество обнаруживает знакомство с лирикой, а иногда и поэмами Блейка. В советской поэтической рецепции английский романтик оказывается интересен своей социальной диалектикой (невинность и опыт, образ мухи-человека – у Бродского); актуальны его богоборческие идеи и образы невинных животных (параллели у Вениамина Блаженного); а также весьма значимой является концепция «безнадежной» судьбы поэта, не ожидающего славы при жизни (у Геннадия Алексеева).

В позднесоветской России начинается и долгий «диалог» с Блейком Дмитрия Смирнова, композитора и переводчика, который написал ряд произведений на стихи Блейка, в том числе оперы, и перевел и издал практически все его поэтические произведения, от лирики и до больших поэм, создав уникальный корпус русскоязычного Блейка и написав его первую большую биографию на русском языке.

Блейк, надолго изгнанный из официальной советской культуры, возвращается к 1970-м годам как источник цитирования и вдохновения для поэтов, музыкантов и, частично и опосредованно, художников.

Пятая глава, **«Блейк в постсоветской России»**, освещает научную, переводческую и творческую рецепцию Блейка начиная с 1990-х годов.

Первый параграф пятой главы, **«Новые переводы: Сергей Степанов, Валерий Чухно, Генрих Сапгир, Галина Токарева, Дмитрий Смирнов»**, посвящен анализу новых переводческих стратегий в создании «русского» Блейка.

Уже в 1990-х годах советский «антологический» подход сменяется авторскими переводами: один переводчик занимается переложением целого цикла стихотворений, зачастую вместе с поэмами. К советским переводческим образцам были добавлены: архаизирующие концептуальные переводы Степанова, растянутые переложения Чухно, творчески-свободные вариации Сапгира, логоцентричные исследовательские варианты Токаревой и Гусманова, а также музыкальные комментированные переводы Смирнова. Умножение переводческих

концепций идет параллельно с расширением круга переводимых текстов: от лирики до «пророческих» поэм.

Важнейшие издания переводов Блейка постсоветского периода:

- сборник переводов С. Степанова (1993, лирика и несколько малых поэм);
- сборник переводов В. Чухно (2002, много переводов прозаических отрывков, низкое качество перевода);
- переводы Г. Сапгира (2003, журнальные публикации);
- сборник переводов Г. А. Токаревой (2004, перевод некоторых новых текстов, малый тираж);
- сборник переводов В. Топорова (2006, новые переводы малых поэм, без комментария);
- «Песни невинности и опыта», новые переводы (2010, результат работы переводческого семинара);
- книги переводов Д. Смирнова-Садовского (с 2016, полное собрание Блейка на русском, первые в мире переводы больших пророчеств, подробный комментарий).

Переводческая рецепция Блейка на протяжении многих десятилетий стоит перед выбором: создавать ли переводы как идеальные, красивые стихи, полноценные произведения русской поэзии (как это делал Маршак), или же стремиться точно запечатлеть смыслы и формы оригинала, пусть даже где-то противореча русской силлабо-тонической традиции и поэтической лексике (как это делал, в частности, Степанов), или, быть может, создавать конгениальные произведения современной литературы (как это делал Сапгир).

Второй параграф пятой главы, «**Современные исследования жизни и творчества Блейка**», посвящен биографической и литературоведческой рецепции Блейка на русском.

В постсоветский период русская литературоведческая рецепция Блейка значительно расширена новыми подходами и методами исследования; однако в основном она идет по следам богатого материала западных *Blake studies*, что закономерно в силу многолетней изолированности и идеологических ограничений отечественного литературоведения. До сих пор не переведены ключевые труды в этой области, за исключением биографии П. Акройда.

2010-е годы стали периодом оживления интереса к Блейку в России. В 2009 году в Санкт-Петербурге происходит две конференции, посвященные творчеству Блейка. В 2011 году в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина произошла первая

масштабная выставка Блейка в России. В этом же году ряд интересных околоблейковских текстов опубликовала «Иностранная литература». В 2013–2015 годах вышли три тематических номера журнала «Язык. Словесность. Культура», посвященных Блейку, в котором публиковались как российские, так и западные исследователи, и были представлены некоторые новые переводы. Защищен ряд диссертационных работ по творчеству Блейка. Важнейшим исследователем поэта в постсоветской России стала Г. А. Токарева, автор множества статей и нескольких монографий о творчестве Блейка.

В качестве концептуального направления исследований Блейка в современной России можно отметить художественный перевод как своеобразную методологию изучения оригинала: этот метод применили такие значительные исследователи наследия Блейка, как Г. А. Токарева и И. Г. Гусманов. В 2016 году была опубликована биография Блейка Д. Смирнова-Садовского: это первый монографический труд по этой теме на русском языке, очень подробный, с массой ссылок.

В третьем параграфе пятой главы, **«Блейк в современной русской литературе и культуре»**, проанализирован масштаб включения творчества английского романтика в современную русскую культурную повестку.

На протяжении всей истории русской рецепции Блейка немалую роль в ней играли посреднические тексты и культурные феномены. В постсоветский период важными посредническими фактами культуры стали дошедшие до русского читателя трактаты Хаксли, музыка «Doors» и фильм Дж. Джармуша «Мертвец», главного героя которого зовут Уильям Блейк.

Восприятие Блейка, диалог с ним в постсоветской литературе и культуре довольно многообразны. Английский романтик как автор не только лирики, но и эпосов занял свое место в идеологии «южинского» мистического кружка: он упоминается у Евгения Головина и Александра Дугина. Блейк становится объектом цитирования множества современных прозаиков и поэтов. Наиболее интересный творческий диалог с ним состоялся у поэта Андрея Таврова, автора сборника «Плач по Блейку» (2018), где автор вписывает творчество английского романтика в контекст современной поэтической мысли, показывая глубокое знакомство и с его лирикой, и с его поэмами. В 2020 году лидер группы «АукцЫон» Леонид Федоров записал альбом на стихи Блейка в новых переводах, вписывая его наследие в контекст русской рок-музыки. Также в 2020 году в московском театре Электротheater «Станиславский» прошла премьера оперы А.

Белоусова по поэме Блейка «Книга Тэль» (в переводе Бальмонта) и фрагментам творчества Достоевского: это еще одна интересная и значимая реплика межкультурного диалога, продолжающая традицию сопоставления Блейка и Достоевского, которая восходит еще к А. Жиду и Ч. Милошу.

В **заключении** подведены итоги исследования и предложены перспективы дальнейшего развития данного направления. В частности, опыт анализа русской рецепции Блейка позволяет заключить, что изучение восприятия инокультурных текстов в русской литературе является весьма перспективным методологическим направлением: такое исследование сообщает больше и о самой национальной литературе, и об объектах ее интереса, – также как и творчество Блейка в русских переводных, критических и литературных отражениях обнаруживает новые яркие черты и новое содержание.

Проведенное исследование способствует накоплению фактических данных для решения масштабной научной задачи: создания фундаментальной истории русской рецепции английского романтизма, – и приоткрывает перспективы дальнейшей работы по исследованию переводческих, литературоведческих и литературных отражений европейского романтизма в русской культуре. В частности, несомненно значимо и перспективно исследование отражения в русской рецепции творчества писателей-романтиков Германии, Великобритании и Франции, а также других стран Европы, которые привлекали внимание русских исследователей, переводчиков и писателей.

Исследование этой тематики, розыск забытых литературных фактов могли бы способствовать созданию масштабной картины русской рецепции западного романтизма и выделению определенных закономерностей в формировании как русского романтизма, так и дальнейших направлений русской литературы в широком межкультурном контексте, – что открывает новые перспективы для сравнительного литературоведения.

В **приложениях** даны впервые введенные автором диссертации в научный оборот переводы и оригинальные произведения русских писателей, связанные с русской рецепцией Блейка и во многом формирующие обновленный образ этой рецепции сегодня:

- 1) переводы Владимира Эльснера: «Пророчества невинности», «Посвящение»;
- 2) перевод Николая Гумилева: «Духовный странник» (7 строф);

- 3) переводы Серафимы Ремизовой: «Венчание Неба и Ада», «Песня свободы»;
- 4) поэмы Бориса Анрепа: «Создание мира», «Сотворение человека», «Foreword to the Book of Anrep».

**Основные положения диссертационного исследования отражены в
следующих публикациях**

**Работы, опубликованные в изданиях, индексируемых в
международной цитатно-аналитической базе данных Scopus:**

1. Serdechnaya V.V. William Blake, Songs of Innocence and of Experience (Moscow: Rudomino, 2010), 240 pp. // Blake/An Illustrated Quarterly. 2013. Vol. 47, no. 1. 5 pars.
2. Serdechnaya V.V. William Blake and British Visionary Art. Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, 28 November 2011–19 February 2012 // Blake/An Illustrated Quarterly. 2013. Vol. 47, no. 1. 11 pars.
3. Сердечная В.В. Первый русский перевод поэмы Уильяма Блейка «The Marriage of the Heaven and the Hell»: Загадка рукописей из архива Ремизовых // Новое литературное обозрение. 2017. № 146. С. 202–213.
4. Сердечная В.В. Духовные странники. Малоизвестные страницы творческого диалога Николая Гумилева с Уильямом Блейком // Русская литература. 2019. №3. С. 182–189.
5. Сердечная В.В. William Blake in diaries, correspondence and works of Russian writers: 1900s - 1950s / Уильям Блейк в дневниках, переписке и произведениях русских писателей: 1900-е – 1950-е годы // Scando-Slavica. 2019. Vol. 65, Is. 2. P. 170–191.
6. Serdechnaya V.V. Dmitri Smirnov, 1948-2020 // Blake/An Illustrated Quarterly. 2020. Vol. 55, no. 1 (Summer). 16 pars.
7. Сердечная В.В. Уильям Блейк в англоязычном литературоведении XXI в. // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 456–477.
8. Сердечная В.В. Уильям Блейк в современной русской литературе и культуре // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 71–88.
9. Сердечная В.В. Почему герой Андрея Таврова плачет по Блейку? // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169). С. 309–321.

**Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:**

10. Сердечная В.В. Романтизм как мы его видим // Обсерватория культуры. 2011. № 1. С. 128–134.
11. Сердечная В.В. «Русский Блейк» и Борис Анреп // Вопросы литературы. 2015. № 5. С. 225–242.
12. Сердечная В.В. Уильям Блейк в культуре русского зарубежья: аллюзия в «Лолите» Владимира Набокова и творчество Бориса Анрепа // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 5А. С. 230–237.
13. Сердечная В.В. «Революционный романтик»: Блейк в советской культуре // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 6А. С. 128–136.
14. Сердечная В.В. Уильям Блейк как «праотец символистов» в русской критике и переводах Серебряного века // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 4А. С. 810–819.
15. Сердечная В.В. Не по-маршakovски: малоизвестные русские переводы Уильяма Блейка начала XX века // Вопросы литературы. 2019. № 1. С. 178–204.
16. Сердечная В.В. Литературный романтизм как теоретическая проблема // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 9. С. 19–27.
17. Сердечная В.В. «Русская тема» в произведениях Уильяма Блейка // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 137–145.
18. Сердечная В.В. Уильям Блейк в советской рецепции: формирование образа «революционного романтика» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 4. С. 136–146.

Монографии и главы монографий:

19. Сердечная В.В. Малые поэмы Уильяма Блейка. Повествование, типология, контекст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 240 с.
20. Serdechnaia V., Serdechnyi E. The Reception of William Blake in Russia and the USSR // The Literary and Cultural Reception of William Blake in Europe. London: Bloomsbury, 2019. Vol. 2. P. 501–532.
21. Сердечная В.В. Уильям Блейк в русской культуре (1834 – 2020). М.: Городец, 2021. 416 с.

Статьи в других научных изданиях:

22. Сердечная В.В. Жанр малой поэмы в творчестве У. Блейка и романтиков Англии: нарративные стратегии // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 2. С. 109–131.
23. Сердечная В.В. «Русский» Блейк: переводы, исследования, аллюзии // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 1. С. 78–94.
24. Сердечная В.В., Сердечный Е.В. Наследие Уильяма Блейка в Европе (по материалам коллоквиума) // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 5. С. 88–97.
25. Сердечная В.В. Россия и российские территории в произведениях Уильяма Блейка // Язык. Словесность. Культура. 2015. № 3. С. 69–81.
26. Сердечная В.В. Биографии Уильяма Блейка и русский читатель: новая биография от Дмитрия Смирнова-Садовского // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 3. С. 26–33.
27. Сердечная В.В. Метасюжет пророческих поэм Уильяма Блейка: «Библия Ада» в контексте истории и мифологии // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 4-5. С. 36–43.
28. Сердечная В.В. «Песнь Лоса» Уильяма Блейка как воплощение литературных принципов поэта-романтика // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7, № 1–2. С. 31–45.
29. Сердечная В.В. Иносказания Уильяма Блейка: аллегория или символ? // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7, № 3. С. 10–19.
30. Сердечная В.В., Сердечный Е.В. Сатирическое иносказание в английской литературе Просвещения и романтизма: Дж. Свифт, Л. Стерн, У. Блейк // Язык. Словесность. Культура. 2017. Т. 7, № 4–5. С. 10–18.
31. Сердечная В.В. Русско-английский диалог через века: Борис Анреп – творческий наследник Уильяма Блейка // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2018. Вып. 9. С. 26–38.
32. Сердечная В.В. Неопубликованная поэма Бориса Анрепа «Владимир» в контексте русской блейкианы // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2018. Вып. 9. С. 39–45.
33. Сердечная В.В. Поэмы Бориса Анрепа «Foreword To The Book Of Ангер» и «Человек» // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2018. Вып. 9. С. 150–161.

34. Сердечная В.В. Из творческого наследия Бориса Анрепа // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2018. Вып. 10. С. 156–171.
35. Сердечная В.В. Уильям Блейк в культуре русского зарубежья // Золтнер О.В. (ред.) Новейшая филология. Итоги и перспективы исследований. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Б. И. Осипова и М. П. Одинцовой. Омск: ОмГУ, 2019. С. 283–286.
36. Сердечная В.В. Новое открытие европейского литературного романтизма в культуре Серебряного века // Международный научный семинар «Современные проблемы компаративистики». Сессия 10 «Поэтика мировой литературы» (Москва, 13-14 июня 2019). М.: РГГУ, 2019. С. 42.
37. Сердечная В.В. Николай Гумилев как читатель и переводчик Уильяма Блейка // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2019. Вып. 11. С. 16–30.
38. Сердечная В.В. Портрет художника при жизни и посмертно: Уильям Блейк как объект биографического описания в XIX–XXI веках // Практики & Интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. № 4. С. 95–107.
39. Сердечная В.В. Уильям Блейк в современной русской поэзии // Новые российские гуманитарные исследования. 2019. № 14. С. 54.
40. Сердечная В.В. Песни опыта, и только опыта: диалог Блейка и Достоевского в «Электротeatре» // Петербургский театральный журнал. 2020. № 1 (99). С. 147–150.
41. Сердечная В.В. Русский литературный наследник Блейка: По материалам неопубликованных поэм Бориса Анрепа // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 352–365.
42. Сердечная В.В. Уильям Блейк в переводах Генриха Сапгира // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. М., 2020. Вып. 12. С. 53–60.
43. Сердечная В.В. Уильям Блейк, Иван Бунин и писатели-орловцы: бывают странные сближения // Орловский текст российской словесности: творчество И.А. Бунина. Вып. 12. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 85-летию со дня присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии / ОГУ им. И.С. Тургенева, ОГЛМТ, НИИ филологии ОГУ им. И.С. Тургенева. Орел: Картуш, 2020. С. 78–81.
44. Сердечная В.В. Ставрогин совращает Тэль: «Книга Серафима» Александра Белоусова в Электротeatре Станиславский // Достоевский

и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2(10). С. 211–221.

45. Сердечная В.В. Уильям Блейк и Ф.М. Достоевский: история сопоставления // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3(11). С. 158–168.